

ей удалось не только пролить свет на мн. за-
гадочные обстоятельства, связанные с возве-
дением, разрушением и восстановлением ар-
хитектурного и религиозного памятника
(в частности, попытку обозначить масонскую
символику в архитектуре храма), но и затро-
нуть мн. иные события российской истории.

Повесть Г. **«Большой крест»** (2001) по-
священа трагедии раскулачивания в Повол-
жье. В центре повествования — история боль-
шого крестьянского рода, на долю которого
выпали великие страдания. Писательнице
удалось создать сагу о жизни сельских труже-
ников, попавших в «мясорубку» социально-
политических преобразований и мужествен-
но переносивших самодурство и безнаказан-
ность новых властей. Эпизод повести, когда
хранительница крестьянского рода, предчув-
ствуя приближающееся раскулачивание, сжи-
гает свой дом можно отнести к одной из дра-
матичнейших страниц русской прозы. Это
произведение продолжает традицию так на-
зываемой «деревенской» прозы уже в XXI в.

В романе **«На острове Буяне»** (2003)
писательница продолжила своеобразный
цикл о наших современниках, которым при-
ходится выживать в условиях экономических
передряг и экспериментов. В центре повест-
ования — образ простой сельской женщины
Брониславы, которая как будто символизирует
многострадальную Россию. На изменив-
шийся мир она смотрит вроде бы примитив-
но, а по сути — здраво и пронизательно.

Публицистика Г. посвящена преимущест-
венно производственной, криминальной, по-
литической и геополитической тематике, в ча-
стности — причинам и следствиям распада
Советского Союза, тяжелому положению со-
отечественников на постсоветском простран-
стве, проблемам КарЛага, Чернобыля, На-
горного Карабаха.

Г. — лауреат премий им. И. Шухова
(1989), ж. «Молодая гвардия» (2001), ж.
«Наш современник» (2003, за роман «На ос-
трове Буяне»). Книга **«Крылатый дом»** во-
шла в шорт-лист премии «Национальный
бестселлер» (2004). Живет в Москве.

Соч.: Шаги: повести, рассказы. Алма-Ата, 1985; Зе-
леное солнце: роман. Алма-Ата, 1989; По мосту — по
мосточку. Алма-Ата, 1991; Черная быль — Белая Русь:
эссе // Молодая гвардия. 1998. № 4; Слова на ветру
опустевшего века: Повести, рассказы, сказы, очерки. М.,
2000; Со всеми последующими остановками: повесть //
Новая Россия. 2000; Большой крест: повесть // Москва.
2001. № 11; Путеводительница всех русских в рассея-
нии // Роман-ж. XXI в. 2001. № 12; Сызран — чудный
город: сказы // Роман-ж. XXI в. 2003. № 2; Крылатый

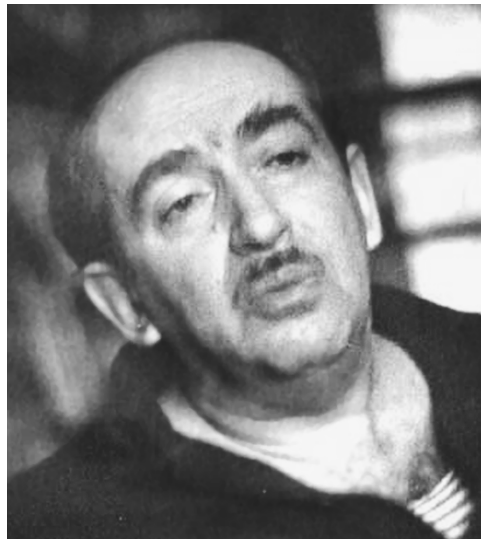
дом: Роман, повести, рассказы, сказы. М., 2003; На ос-
трове Буяне // Наш современник. 2003. № 7–8; 5/4 на-
кануне тишины // Москва. 2004. № 11–12.

Лит.: Курова К. Будто время вдруг остановилось //
Простор. 1986. № 10. С. 201–203; Поляк З. ...Огонь,
мерцающий в сосуде // Простор. 1986. № 10. С. 198–
201; Ермаченков В. Не теряя веры // Простор. 1990.
№ 7. С. 151–155; Бадиков В. Искушение // Простор.
1990. № 8. С. 142–144; Филимонова И. Жизнь другая,
моя — не моя... // Простор. 1990. № 7–8; Винников В.
Прекрасный знак беды // Наш современник. 2001. № 8;
Винников В. Галактика Галактионовой // Завтра. 2001.
№ 52; Куняев С. Беззаконная комета // Москва. 2002.
№ 4; Воронина О. Слова на ветру опустевшего века //
Лит. газ. 2002. № 33; Кокшенева К. «Не спасавший
Россию, не спасется сам» // Балтика. Таллин. 2005. № 2.

С. М. Казначеев

ГАЛИЧ Александр (настоящее имя Алек-
сандр Аркадьевич Гинзбург) [19.10.1918 (на
памятнике — 1919), Екатеринослав — 15.12.
1977, Париж; похоронен на кладбище Сен-
Женевьев-де-Буа] — драматург, кинодрама-
тург, прозаик, поэт.

Родился в семье служащих. Лит. деятель-
ность начал очень рано: как участник поэти-
ческой «бригады» газ. «Пионерская правда»
был учеником поэта-романтика Э. Багрицко-
го. В 1935 г. был принят в Оперно-драмати-
ческую студию К. С. Станиславского, одно-
временно учился в Лит. ин-те, который вскоре
оставил, связав свою судьбу с театром.
В 1940 в Московском театре-студии (В. Плу-
чек, А. Арбузов и др.) он участвовал в каче-

А. А. Галич

стве соавтора (их было более 20), создателя и актера в спектакле «Город на заре», ставшем значительным явлением театрально-лит. жизни предвоенной Москвы. Во время Великой Отечественной войны, освобожденный по состоянию здоровья от фронта, Г. был одним из организаторов, участников и руководителей Комсомольского фронтового театра, писал песни, частушки, пьесы, играл на гитаре, выступал перед бойцами. С 1945 Г. пишет для театра, став популярным драматургом, чьи пьесы «**Вас вызывает Таймыр**» (совместно с К. Исаковым), «**Пароход зовут „Орленок“**», «**За час до рассвета**» и др. с большим успехом идут на сценах мн. театров. Такой же известностью пользовались его киносценарии к фильмам «На семи ветрах», «Дайте жалобную книгу», «Верные друзья», «Третья молодость» (совместно с французскими кинематографистами), «Бегущая по волнам» (совместно с болгарскими мастерами). Автор стал членом СП, Союза кинематографистов, Лит. фонда.

В 1958 была запрещена к постановке пьеса Г. «**Матросская тишина**» («Моя большая земля»), которую репетировала студия Худож. театра (позже театр-студия «Современник»). Драматическая история последней генеральной репетиции этой пьесы легла в основу автобиографической повести «**Генеральная репетиция**» (1973), текст которой включает в себя саму пьесу «Матросская тишина». В ее финале звучат программные для Г. слова: «Нравственность начинается с правды». Уже после смерти писателя была опубликована неоконченная повесть с чертами плутовского романа — «**Блошинный рынок**» (альм. «Время и мы», 1990).

Резкий поворот в судьбе художника произошел в 1959, когда, отказавшись от благополучия, официальной славы и популярности, Г. обратился к авторской песне. «Я должен наконец заговорить в полный голос, заговорить правду» (**Возвращение**. С. 9). Попытка разобраться в собственной жизни и трагической судьбе своего поколения (после крушения последних надежд и романтических иллюзий, что все как-то изменится к лучшему, — сначала после 1945 победного года, затем после 1956 «оттепельного») привела поэта к созданию своеобразного песенно-поэтического театра, в котором автор был и актером, и музыкантом, и режиссером. Более 100 песен создал Г., изустно-фольклорное бытование которых сопровождалось авторским исполнением под гитару в узком кругу друзей и знакомых. Публичное исполне-

ние песен Г. было запрещено, особенно после вызвавшего огромный резонанс выступления поэта в Новосибирском Академгородке в 1968.

В первой песне «**Леночка**» (1959), написанной в купе ночного поезда Москва–Ленинград, рассказывается о счастливой судьбе совр. Золушки-милиционерши, ставшей «шашкиной Л. Потаповой». Г. нашел не только новую героиню, но главное — уличную бытовую интонацию, жанр песни-рассказа, диалога, песни-спектакля.

По охвату разных сторон жизни, многообразию тем и героев, полифонии звучания голосов песни Г. могут быть названы поэтическим эпосом, как заметил один из современников, «малой советской энциклопедией» (Закливание добра и зла. С. 285), совр. «Одиссеей». В них, как в зеркале, отразилось время с его трагическими катаклизмами, гос. победами и нищетой, униженностью обыкновенных маленьких людей, быт и бытие эпохи. Поэт взял на себя высокое право говорить от имени своего «поколения обреченных»: живых и мертвых солдат Великой Отечественной войны («**Ошибка**»), несправедливо арестованных и гонимых в эпоху культа личности («**Левый марш**», «**Облака**», «**Баллада о Вечном огне**» и др.), отвергнутых временем талантливых писателей и поэтов («**Памяти Б. Л. Пастернака**», «**Баллада о табаке**», «**Возвращение на Итаку**»). А также от имени самых простых людей — негероических кассирш, продавщиц, рабочих и др., обреченных на жалкое существование, искалеченных, но сохранивших человеческое достоинство, доброту («**Веселый разговор**», «**Вальс-баллада про тещу из Иванова**», «**Баллада про генеральскую дочь**» и др.). В «**Черновике эпитафии**» поэт признается: «Не моя это вродь боль, / Так чего ж я кидуюсь в бой?! / А вела меня в бой судьба, / Как солдата ведет труба!».

При всей реалистической конкретности тем, сюжетов и деталей в песнях Г. является поэтом романтического плана. В основе его творчества лежит романтическая антитеза: частной жизни личности, душе, интересам и переживаниям противостоит вся мощь тоталитарной бесчеловечной гос. системы, все «автоматное столетие»; свободному творчеству — официальное искусство, правде — ложь, добру — зло во всех его проявлениях, палачам — их жертвы («**Облака**», «**Закливание**», «**Ночной дозор**», «**Мы не хуже Горация**» и др.). Сатирически обличая зло, принимающее порой фантазмагорические

очертания, Г. скорбит по погибшим, тоскует по идеалу и верит в добро и правду. Он говорил, что «стихи, песня могут обладать силой физической пощечины» (У микрофона А. Галич. С. 29). Содержание и эмоциональный заряд своего творчества поэт определял с предельной образностью, отвечая на нападки со всех сторон: «Я не просто хулу, / А гражданские скорби сервирую к столу!» Не только судьей своего времени чувствовал себя Г., но и совинновником творимого зла. Парадоксально звучит в конце песни **«Плясовая»** призыв: «Пожалейте, люди, палачей!» Рассказ о пенсионере, бывшем начальнике концлагеря, который перед смертью «намечтал спросонья мечту, / Будто Черное море под стражею / По этапу пригнали в Инту», сопровождается рефреном: «Помилуй мя, Господи / Помилуй мя!» («Заклинание»).

Театральная сюжетность, сценичность большинства песен Г. служат раскрытию человеческого характера и судьбы (**«Большиничная цыганочка»**, **«О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира»** и др.).

Фольклорное начало, черты уличной городской песни и романса, особенности рассказов бывалых людей, разговорная стихия очередей, лестничных и дворовых встреч и посиделок органически сливаются в творчестве Г. с высокой лит. традицией, библейскими лейтмотивами, заклинаниями. Строчки, образы, ритмы стихов Б. Пастернака, А. Ахматовой, О. Мандельштама, Д. Хармса и др. органично входят в структуру авторской песни Г., углубляя поэтический контекст, связывая разные эпохи, судьбы, приобщая автора и его слушателей к трагическому пути русской и мировой лит-ры. В **«Гусарской песне»** (об Александре Полежаеве) Г. как бы «примеривает» чужой и в то же время близкий ему выбор поэта: «Началось все дело с песенки, / А потом — пошла писать! / И по мукам, как по лезвию...» (Возвращение. С. 25). Тема выбора — одна из главных в творчестве и судьбе Г.: «Я выбираю Свободу, / Но не из боя, а в бой, / Я выбираю свободу / Быть просто самим собой» (**Петербургский романс**. С. 199). Подобный выбор делают и его герои: «касси́рша в продмаге», которая предпочла нищего, но любимого «техника по счетным машинам» богатому, сильному, но нелюбимому завмагу («Веселый разговор»). Поэт пишет и о другом выборе, позорном для человека: «Промолчи — попадешь в палачи! / Промолчи, промолчи, промолчи!» (Возвращение. С. 34). В «Петербургском романсе», напоминая о «мудром» выборе,

о предательстве одного из руководителей декабристов (в решающий момент «себя объявить в отъезде»), Г. обращается к современникам: «И все так же, не проще / Век наш пробует нас — / Можешь выйти на площадь, / Смеешь выйти на площадь / В тот назначенный час?! / Где стоят по квадрату / В ожиданье полки — / От Синода к Сенату, / Как четыре строки?!» (Возвращение. С. 19). Свой выбор делает и «бессмертный Кузьмин»: в трагические моменты российской истории, когда Отечество в опасности, он пишет доносы на ненадежных, с его точки зрения, людей, «извещая всех, кому положено».

Важна для поэзии Г. и тема памяти о погибших, убитых, о трагических судьбах миллионов людей. Герой песни «Облака», бывший заключенный, радуясь пенсии, не может забыть о двадцати лагерных годах, память о них навеки осталась в спокойных облаках, плывущих в Абакан. В «Балладе о Вечном огне» поэт, говоря об официально-казенной памяти о Неизвестном солдате, просит людей вспомнить и о миллионах неизвестных, погибших в лагерях: «Над сибирской тайгою; над Камой, над Обью / Ни знамен, ни венков не положат к надгробью! / Лишь, как вечный огонь, как нетленная слава, / Штабеля! Штабеля! Штабеля лесосплава!» (Возвращение. С. 49).

В лирических стихах Г. с ярко выраженным «я» постоянно звучит тема возвращения к себе самому, романтическому детству, где «на детской матроске / Эллады певучая пыль», где вечно звучит «звук плнительный и негромкий» и появляется «мальчик с дудочкой тростниковой» (Возвращение. С. 158–159). Наконец, возвращение к гармонии и идеалу. После вынужденной эмиграции Г. в 1974 и лишения его гражданства в творчестве, песнях и выступлениях (Г. 3 года работал на радиостанции «Свобода») постоянно звучит мотив возвращения домой, на родину, в русскую лит-ру: «Я уезжаю из Советского Союза, но не из России, моя Россия остается со мной» (Возвращение. С. 284). Исключенный еще в 1971 из официальных союзов и организаций, Г. и в эмиграции ощущал себя не изгнанником, а посланником русской культуры. Он мечтал поскорее вернуться: «Когда я вернусь... Послушай, послушай, не смейся, / Когда я вернусь, / И прямо с вокзала — в крошечный, ничтожный, решный — / Ворвусь в этот город, которым казнюсь и клянусь, / Когда я вернусь. / О, когда я вернусь!..» (Возвращение. С. 141). Желание поэта исполнилось. Он вернулся на родину своими книгами и песнями.

Соч.: Возвращение: стихи, песни, воспоминания. Л., 1990; Петербургский роман: избранные стих. Л., 1989; Поколение обреченных. Мюнхен, 1972; У микрофона Александр Галич: Избранные тексты и записи. ФРГ; США, 1990; Соч.: в 2 т.: Книга песен. Вторая книга. М., 1999.

Лит.: Заклинание добра и зла: Александр Галич — о его творчестве, жизни и судьбе рассказывают статьи, воспоминания друзей и современников, а также истории и стихи, которые сочинил он сам. М., 1991; Карабчиевский Ю. И вихорцы, и эски: Заметки о песнях Александра Галича // Нева. 1991. № 1; Аннинский Л. Барды. М., 1999. Новиков В. Авторская песня. М., 1997. Расседин Ст. Я выбираю свободу. М., 1990; Каменский З. А. А. Галич. М., 1995. Поденко С. «Эрика» берет четыре копии: Возвращение А. Галича // Вопр. лит-ры. 1989. № 4

Н. Н. Кякшто

ГАЛКОВСКИЙ Дмитрий Евгеньевич (псевдонимы Никифор Совков, Одинокоев, Друг Утят) [4.6.1960, Москва] — прозаик.

Отец воевал; после безуспешных попыток стать офицером, певцом, актером, поэтом служил инженерно-техническим работником. Мать — рабочая. Среди предков с обеих сторон были православные священники. Детство Г., по его словам, было «стандартно-советское»: детский сад, пионерские лагеря, увлечение книгами, в основном науч. фантасти-

Д. Е. Галковский

кой. После окончания московской немецкой спецшколы (1977) получил комсомольскую путевку на ЗИЛ (хотя комсомольцем не был), где 3 года проработал рабочим. Затем поступил на философский ф-т МГУ; специализировался на кафедре истории зарубежной философии (студенческая науч. работа была посвящена анализу мотивов смерти и самоубийства в творчестве Платона); окончил ун-т в 1986. С 1980 по 1990 жил случайными заработками (отец умер в 1977). Короткое время работал редактором в ж. «Наш современник» (1990), преподавателем лит-ры в театральном лицее.

Писать начал с 19 лет. Первая публикация в «Комсомольской правде» (1989, 8 февр.) вышла, по признанию Г., комом: «Там мне доверили написать небольшую заметку о Розанове. Заметку отредактировали... снабдив шизофреническим заголовком: „О русском философе замолвите слово“. Я, как посмотрел, говорю...: „Свою фамилию я под этой опереттой ставить не хочу“... — „Вы тут, молодой человек, не ломайтесь, у нас государственная организация“. — „Ну, подпишите «Совков»“. Так и подписали... Идти получать гонорар за это безобразие я отказался» (**Событие** // Разбитый компас. 1997. № 3. С. 7).

Широкую известность принес Г. философский роман **«Бесконечный тупик»**, посвященный истории русской культуры XIX–XX вв. и судьбе русской личности. С конца 1980-х текст романа распространялся в самиздате. С 1990 начался «бум Галковского»: фрагменты «Бесконечного тупика» публиковались более чем в 20 периодических изданиях разных идеологических предпочтений — от «Москвы» (1990. № 12) и «Нашего современника» (1992. № 1–2) до «Нового мира» (1992. № 9, 11). В статье, предвещающей публикацию в «Нашем современнике», В. Кожин отмечал «поистине головокружительное бесстрашие мысли», «героический порыв к воскрешению чудовищно подавлявшейся и уничтожавшейся в течение жизни трех поколений отечественной мысли... — во всей ее силе и остроте», что осуществилось в его книге, истинный писательский дар и превосходное знание истории — «знание самое широкое и в то же время детальное, можно сказать, интимное» (Кожин В.— С. 125–128).

В марте 1997 Г. издал роман за свой счет тиражом 500 экземпляров, указав на титуле: «Самиздат». В 1998 вышло 2-е изд.

В предисл. Г. поясняет: «Моя книга на самом деле называется „Примечания к «Бесконечному тупику»“ и состоит из 949 „примечаний“ к небольшому первоначальному тек-